

БАСКАКОВ И. А.

ЧАСТИ РЕЧИ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Одной из кардинальных проблем теоретической грамматики тюркских, да и не только тюркских, языков является проблема частей речи. Несмотря на довольно длительный путь развития учения о частях речи, отраженный в работах крупнейших русских ученых — М. В. Ломоносова [1], Ф. И. Буслая [2], А. А. Потебни [3], Ф. Ф. Фортунатова [4], А. А. Шахматова [5], А. М. Пешковского [6], Л. В. Щербы [7], В. В. Виноградова [8], а также в исследованиях зарубежных лингвистов [9], в современном языкознании до сих пор нет единства взглядов по данной проблеме. Это объясняется отчасти тем, что вопрос о частях речи чаще всего решался и решается на основе традиционных, установившихся схем без учета выводов, содержащихся в общетеоретических исследованиях разносистемных языков, в том числе изолирующих и агглютинативных, морфологический строй которых предоставляет благоприятные возможности для различных типологических обобщений.

Существующие современные разработки этой проблемы, например, в русском языкознании, являются также либо некоторыми модификациями тех же традиционных положений о частях речи, либо концепциями, не учитывающими всей сложности данного вопроса. Одна из последних концепций, касающихся частей речи, представлена в новейшей теоретической грамматике русского языка [10]. Имея глубокую и всестороннюю разработку всей совокупности сложнейших вопросов грамматики русского языка, реализованную на основе последних достижений советского языкознания, труд этот все же не решил должным образом вопроса о частях речи, хотя в значительной степени и разошелся в их интерпретации с традиционными представлениями, отраженными, например, в предыдущей академической грамматике русского языка [11].

Учение о частях речи в Грамматике-80 является непоследовательным в отношении, с одной стороны, семантического принципа классификации частей речи, а с другой — функциональной их значимости в составе предложения и словосочетания. Так, определенные семантические классы слов, составляющие ту или иную часть речи, распределяются в данной Грамматике по другим частям речи, относящимся к другим семантическим классам. Нарушается, таким образом, единство критериев, определяющих каждую часть речи, и смешиваются семантические их признаки и функциональные их формы, в которых выступает та или иная часть речи в предложении и словосочетании. Почему, например, в данной Грамматике отсутствует особая и вполне самостоятельная часть речи — местоимение, которое дано авторами только как местоимение-существительное (термин по существу неудачный), к которому отнесены только некоторые субстантивные формы местоимений. Если в Грамматике дано местоимение-существительное, то почему нет местоимений-прилагательных или местоимений-наречий? То же следует сказать об именах числительных, значительная часть которых отнесена к прилагательным и наречиям. Если причастия и деепричастия справедливо определены как атрибутивные формы глагола, то почему некоторые имена действия не квалифицированы как субстантивные формы глагола, а отнесены к именам существительным? Более того, почему причастия и деепричастия рассматриваются в системе словоизменения, а не функционального словообразования, в то время как справедливо выведены из системы словоизменения и включены в систему слово-

образования такие категории глагола, как вид, залог, наклонение и время, а в системе словоизменения глагола оставлена только категория лица и почему-то категории причастия и деепричастия. Совершенно правомерно в системе глагола выделены функциональные атрибутивные его формы — причастие и деепричастие, но в системе именных частей речи, например, в местоимениях и числительных, соответствующие их атрибутивные формы определены как прилагательные и наречия. Было бы последовательно для концепции, изложенной в последней Русской грамматике, либо считать прилагательными и наречиями мотивированные глаголом причастия и деепричастия, либо «порядковые и местоименные прилагательные и наречия, мотивированные местоимением и числительным» — соответствующими атрибутивными формами этих частей речи, как это сделано в отношении причастий и деепричастий — атрибутивных форм глагола.

Подобные непоследовательности в учении о частях речи встречаются и в грамматиках тюркских языков, которые часто создаются авторами по схеме русской грамматики.

Проблема частей речи в тюркских языках также решалась в связи с составлением грамматик конкретных языков. Начиная с А. Казембека [12], вопрос о частях речи получил соответствующее освещение в трудах О. Бётлингга [13], В. В. Радлова [14], П. М. Мелиоранского [15]. Установленная в данных исследованиях схема классификации частей речи, определяющая три основные группы: имен, глаголов и служебных частей речи, сохранилась также в трудах зарубежных тюркологов В. Банга [16], Ж. Дени [17], К. Грэнбека [18], Ю. Немета [19] и др. Та же в основном схема классификации частей речи представлена и в грамматиках В. А. Гордлевского [20], Н. К. Дмитриева [21], А. Н. Кононова [22], Н. П. Дыренковой [23]. Несколько подробнее этот вопрос был разработан в специальных статьях А. К. Боровкова [24] и И. А. Батманова [25], которые отметили необходимость учета при классификации частей речи в тюркских языках не только их семантики, но также и их функций и формы, хотя и не разграничили четко собственно части речи и их функциональные формы.

Если в семантическом аспекте в существующих грамматиках и специальных исследованиях основные части речи в тюркских языках: имена существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения, глаголы, междометия и мимемы — как знаменательные части речи и частицы, послелоги и союзы — как служебные части речи сохраняют свою специфику и не рассеиваются произвольно по другим частям речи, то вопрос о соотношении семантического и функционального критериев в классификации частей речи остается до настоящего времени не разрешенным для тюркских языков. В тюркских грамматиках часто встречаются расплывчатые формулировки, обнаруживающие смешение грамматических категорий частей речи и их функциональных форм. Ср., например, такие определения, как «существительные, выполняющие роль или функцию прилагательных» (имеется в виду функция определения) или «прилагательные, выполняющие функцию наречий» (имеется в виду функция обстоятельства). Часто в составе глагольных функциональных форм рассматриваются только причастия и деепричастия, в то время как масдарные формы выделяются в особую категорию глагольных имен, а иногда в состав глагольных имен включаются и причастия.

Следует отметить, что как атрибутивные, так и субстантивные формы глагола сохраняют свое значение глагольности, и каждое предложение со сказуемым, выраженным глаголом, в зависимости от функции высказывания может трансформироваться в эти три функциональные формы. Например, казахское предложение: *Bir adam keşe kitapxanadan kitap aldy* «Некий человек вчера взял книгу из библиотеки» может трансформироваться в субстантивную форму, и в этом случае глагольная форма предиката субстантивируется, ср.: *Bir adamnyn keşe kitapxanadan kitap alıwıy* «Взятие неким человеком вчера книги из библиотеки». Это же предложение может быть трансформировано в атрибутивно-адъективную (определятельную) форму, например: *Bir adam keşe kitapxanadan kitap alıan (waqytta)*... «(В то время), когда некий человек брал вчера книгу из биб-

лиотеки...», а также в атрибутивно-адвербиальную форму, например: *Bir adam keşe kitapxanadan kitap alyp...* «Некий человек, взяв вчера книгу из библиотеки...».

Как глагол, так и именные части речи имеют соответствующие функциональные субстантивные и атрибутивные формы, которые в грамматиках конкретных языков, как правило, смешиваются с различными частями речи. Все эти непоследовательности в определении частей речи как в русских грамматиках, так и в существующих грамматиках тюркских языков вызваны, как нам представляется, смешением двух типов грамматических категорий. С одной стороны, категорий самих частей речи как категорий лексико-семантических, поскольку классификация их основана главным образом на семантических критериях: название предмета, качества, количества, процессов действия и состояния и проч., а с другой — категорий, определяющих их функцию в составе предложения и словосочетания, т. е. категорий лексико-функциональных.

Анализ всех грамматических форм слов, выступающих в составе предложения и словосочетания, показывает, что в составе каждой знаменательной части речи существуют грамматические функциональные категории и соответствующие их формы, в которых каждая часть речи выступает в предложении и словосочетании либо в значении субстантива, либо в значении атрибута субстантива, либо в значении атрибута признака. Эти грамматические функциональные формы в соответствии со структурой предложения или словосочетания подразделяются на две основные группы: 1) группу категорий субстантивных и 2) группу категорий атрибутивных, последние в зависимости от своих значений атрибута субстантива и атрибута признака распадаются на два типа: а) адъективных (определятельных) и б) адвербиальных (обстоятельственных) категорий.

Каждая знаменательная часть речи по своей функции в составе предложения или словосочетания, таким образом, представлена тремя функциональными формами, ср., например, в казахском или каракалпакском языках — имя существительное: 1) субстантивной формой — *qys* «зима», 2) атрибутивно-адъективной — *qysqy* «зимний» и 3) атрибутивно-адвербиальной — *qysşa* «по-зимнему»; имя прилагательное: 1) *aqlыq* «белизна»; 2) *aq* «белый», 3) *aqşa* «бело, беловато»; имя числительное: 1) *ekew* «двое», 2) *eki* «два», *ekinşi* «второй», 3) *ekiser* «по два»; местоимение: 1) *men* «я», 2) *meniñ* «мой», 3) *menşe* «по-моему»; глагол: 1) *alıw* «взятие», 2) *alyp* «взявший», 3) *alyp* «взяв» и т. д.

Смешение частей речи как классов лексического состава языка, основным критерием классификации которых во всех языках служит семантический признак, т. е. лексическое значение слова, вызвано непоследовательным наложением второго, лексико-функционального критерия, второй координаты — характеристики слова — его функциональной стороны, которая, в свою очередь, в современных классификациях частей речи смешивается с синтаксической функцией слова в составе предложения и словосочетания. Я имею в виду существующие внутри каждой части речи функциональные формы лексико-функционального словообразования, а именно наличие в каждом языке, и в том числе в русском, указанных лексико-функциональных форм, ср., например, а) для глагола — *взятие, взявший, взяв*; б) для имени существительного — *сила, сильный, сильно*; в) для числительного — *трое, третий, троим*; г) для местоимения — *я, мой, по-моему* и т. д., причем каждая лексико-функциональная форма каждой части речи может быть представлена несколькими моделями словообразования.

Обычно глагольные лексико-функциональные формы для большинства языков выделяются только в формах атрибутивных — причастия и деепричастия, и только в некоторых языках, и в частности в арабском, к ним справедливо относят еще так называемые масдары, т. е. субстантивные глагольные формы. В русском же языке, а также обычно и в грамматиках тюркских языков, эти субстантивные формы глагола, имеющие те же общие признаки с глаголом — управление косвенными падежами и обладающие категориями вида и залога, почему-то причисляются к именам

существительным в отличие от причастий и деепричастий, которые на тех же основаниях также могли бы быть отнесены соответственно к прилагательным и наречиям, впрочем, последние иногда и определяются авторами грамматик как «отглагольные прилагательные» и «отглагольные наречия». Было бы больше оснований считать глагольными категориями, наряду с причастиями и деепричастиями, также и субстантивные формы глагола — масдары. Так, в русском языке в словосочетании *портрет, написанный художником* слово *написанный* определяется как причастие страдательного залога и относится к глагольным формам, а в словосочетании *написание художником портрета* слово *написание* отнесено к именам существительным; или в выражении *человек, ходивший в лес* слово *ходивший* — к глагольным формам, причастиям, а в выражении *хождение человека в лес* слово *хождение* — к именам существительным, хотя обе эти глагольные формы по своему значению в равной степени управляют одним и тем же объектом. Правда, субстантивные формы глагола в русском языке имеют некоторые особенности. Так, включая в себя такие глагольные категории, как вид, ср., например: русск. *открытие* и *открывание*, *присвоение* и *присваивание*, *придание* и *придавание* и проч., и сохраняя управление косвенными падежами, субстантивные формы переходного глагола в русском языке не управляют уже объектом в вин. падеже, в то время как в тюркских языках те же субстантивные формы глагола сохраняют не только свойство управлять вин. падежом, но и включают в состав морфем, их образующих, также и аффиксы залогов.

Что же касается лексико-функциональных форм именных частей речи: существительного, прилагательного, наречия, числительного, местоимения, то они часто, и, как правило, произвольно, распределяются уже не по семантическому признаку — основному критерию дифференциации частей речи, а по господствующей для каждой из них синтаксической функции, т. е. субстантивные формы — к именам существительным, а атрибутивные формы соответственно — к прилагательным и наречиям, что и создает полное смешение лексико-семантических и лексико-функциональных категорий.

В соответствии с этим необходимо констатировать, что каждая часть речи как лексико-семантическая категория содержит вместе с тем и указанные функциональные формы. Например, в системе глагола эти функциональные формы представлены в тюркских языках: 1) субстантивными формами — масдарами на *-maq/-mek*, *-yş/-iş*, *-uw/-üw* и др.: турецк. *almak* «взять, взятие»; узб., уйг. *qulyş* «делать, делание»; казах. *žazıw* «писать, писание» и др.; 2) атрибутивными формами: а) адъективными, определительными — причастиями на *-mış/-miş*, *-ğan/-gen*, *-ar/-er* и др.: турецк. *gelmiş* «приходивший», казах. *alğan* «взявший», каракалп. *alar*, *alğaj* «долженствующий взять» и др.; б) адвербиальными, обстоятельственными — деепричастиями на *-a/-e*, *-ur/-ır* и др.: казах. *ala* «беря», *alyp* «взяв» и т. д. Аналогичными функциональными формами представлены и именные части речи.

Итак, основной причиной существующих недостатков классификации частей речи, как в русской грамматике, так и в грамматиках тюркских языков, является традиционное смешение в слове — знаменательной части речи — двух его сторон: формы, определяющей значение, и формы, определяющей его функцию в составе предложения и словосочетания.

По своему значению слово выражает: предмет, качество, количество, действие, состояние и проч., образуя лексико-семантические классы — части речи, а по своей функции обозначает либо субстантив, либо атрибутив, последний в двух его значениях, образуя специальные функциональные формы каждой части речи, а именно субстантивные и атрибутивные (адъективные и адвербиальные) формы.

В каждом слове, таким образом, выражены, с одной стороны, его значение, реализующееся в соответствующей части речи: существительном, прилагательном, наречии, числительном, местоимении, глаголе и др., а с другой стороны, функция в составе предложения и словосочетания, реализующаяся в соответствующей функциональной форме. Следова-

тельно, каждая часть речи состоит из набора определенных функциональных форм. В существующих же грамматиках часто происходит смешение частей речи с их функциональными формами, последние, т. е. функциональные формы одной части речи, относятся к другой части речи, так, например, атрибутивные формы числительного — порядковые числительные — относятся к прилагательному без учета того, что числительные имеют свои атрибутивные формы, или, например, субстантивные и атрибутивные формы глагола — к глагольным именам или отглагольным существительным и прилагательным и т. д.

Здесь, однако, не следует смешивать явления конверсии, когда некоторые словообразовательные модели глагола теряют присущие им свойства и полностью переходят в состав другой части речи, ср., например, отглагольные имена существительные *ölüm* «смерть» или *žutum* «глоток» или прилагательное *aşuq* «открытый», которые, происходя от глагола, теряют свойство управления падежами и другие глагольные признаки, но приобретают свойства, присущие той части речи, в которую они переходят.

Смешение частей речи и их функциональных форм в тюркских языках, равно как и в русском, влечет за собой и смешение категорий словообразования и словоизменения. Смешение это вызвано также отсутствием строгих критериев, определяющих сущность словообразования и словоизменения. Если мы установим критерий для форм словоизменения как категорий, выражающих отношения слов — членов словосочетания или предложения, то к ним в тюркских языках могут быть отнесены только четыре: числа, принадлежности, падежа и лица, так как только они определяют отношения членов предложения и членов словосочетания, а именно: отношения подлежащего и сказуемого — категории числа и лица, сказуемого и дополнения — категория падежа, определения и определяемого — категория принадлежности. Кстати, следует отметить, что в структуре существующих грамматик категории словоизменения — число, принадлежность и падеж — обычно необоснованно рассматриваются при описании только имен существительных и местоимений, а лицо при глаголе, в то время как они относятся ко всем субстантивным и атрибутивно-определительным функциональным формам всех знаменательных частей речи, и в том числе к тем же функциональным формам глагола, поскольку субстантивные и атрибутивно-определительные его формы (масдары и причастия) также имеют категории числа, принадлежности, падежа и лица.

Все же остальные аффиксы в тюркских языках образуют только различные модели словообразования, так как изменяют реальное значение производящей основы слова. К выражению же синтаксической связи они имеют косвенное отношение, ср., например, залоговые модели глагола, дифференцированные по своей семантике, которые прямо не выражают никаких связей и отношения членов предложения между собой.

Вместе с тем система словообразования в тюркских языках не является единой и общей. Она имеет две основные подсистемы: а) подсистему лексико-семантического словообразования, когда аффиксы изменяют собственно реальное значение слова, а иногда и конвертируют данную модель из одной части речи в другую; б) подсистему функционально-грамматического словообразования, когда аффиксы, оставляя единое реальное значение слова, образуют только модели, выражающие лексико-функциональное значение субстантивных и атрибутивных (адъективных и адвербиальных) категорий. Наиболее ярко выражены в этом отношении модели глагольного лексико-функционального словообразования, т. е. модели масдаров — субстантивных форм глагола (*almaq*, *alyş*, *alýy*, *aluw*, *alasy* «взятие»); причастий — атрибутивно-определительных форм глагола (*almyş*, *alýan* «взявший», *alýaj*, *alar* «долженствующий взять») и деепричастий — атрибутивно-обстоятельственных форм глагола (*alyp* «взяв», *ala* «беря»); те же функциональные формы характерны и для других частей речи: для имен числительных: *eki* «два», *ekew* «двое» — субстантивные формы числительного; *ekinşi* «второй» — атрибутивно-определительные

формы числительного и *ekiser* «по два» — атрибутивно-обстоятельственные формы числительного; или соответствующие функциональные формы местоимений: *men* «я», *meniñ* «мой», *menşe* «по-моему».

Сложный состав форм внутри каждой части речи, вызванный двойственностью значений слова как категории семантической и функциональной, равно как и наличие двух подсистем словообразования — лексико-семантического и лексико-функционального, должны определять не только природу каждой части речи, но и структуру отношений их между собой, а следовательно, и их классификацию. Существующая же традиционная структура частей речи и определяющая ее классификация не соответствуют тем отношениям, которые они выражают.

Если деление частей речи на имена, глаголы и служебные части речи вполне оправдано их значением и принято как представителями восточной, так и представителями всех западных школ, то деление именных частей речи, например, в современной русской грамматике, а также в тюркских грамматиках остается совершенно неоправданным. Прежде всего отсутствует должная иерархия и соподчинение некоторых частей речи между собой. Так, нет сомнения в том, что имена существительные, имена прилагательные и наречия исторически представляли собой не что иное, как функциональные формы по отношению к их значению предметно-качественных имен, в которых, впрочем, позже имена прилагательные и наречия, получив свои вторичные функциональные формы, приобрели статус и значение самостоятельных частей речи, ср., например, имена прилагательные и их вторичные функциональные формы: *qyzyl* «красный» (атрибутивно-определятельная форма), *qyzyllyq* «краснота» (вторичная субстантивная форма), *qyzylşa* «красно, красновато» (вторичная атрибутивно-обстоятельная форма) или наречие и его вторичные субстантивную и атрибутивно-определятельную формы: *endi* «теперь» (обстоятельная форма), *endigi* «теперешний» (определятельная форма), *endigilik* букв. «теперешность» (субстантивная форма).

Вместе с тем соотношение этих частей речи как образовавшихся из соответствующих функциональных форм предметно-качественного имени должно быть отражено и в структуре частей речи и по крайней мере связано хотя бы порядком следования наречия в изложении непосредственно вслед за именем существительным и прилагательным как исторически представляющего собой одну из функциональных форм единой прежде части речи — предметно-качественного имени.

Что же касается имен числительных или местоимений, то они составляют особые, самостоятельные разряды лексики внутри имен как имена, имеющие свои первичные функциональные формы, а следовательно, по своей структуре как бы соответствуют структуре всех предметно-качественных имен.

Подобную же структуру функциональных первичных форм имеет, как мы видели, и глагол, реализуясь в составе предложения и словосочетания в форме масдаров, т. е. субстантивных форм на *-maq/-mek*, *-yš/-ış*, *-uw/-üw*, в форме причастий т. е. атрибутивно-определятельных формах на *-ğan/-gen*, *-mış/-miş*, *-ar/-er*, *-r* и в форме деепричастий, т. е. атрибутивно-обстоятельных формах на *-al/-e*, *-j*, *-yp/-ip*, *-p* и др.

Таким образом, всю систему частей речи в тюркских языках можно представить на примерах из каракалпакского языка в следующей схеме (С = Субстантивные формы; А, 1 = Атрибутивно-определятельные формы и А, 2 = Атрибутивно-обстоятельные формы).

I. Имена: 1) существительные (С. *qys* «зима»; А, 1. *qysqu* «зимний»; А, 2. *qysyn* «зимой»); 2) прилагательные (С. *qyzyllyq* «краснота»; А, 2. *qyzyl* «красный»; А, 2. *qyzylşa* «красно, красновато»); 3) наречия (С. *endigilik* «теперешность»; А, 1. *endigi* «теперешний»; А, 2. *endi* «теперь»); 4) числительные (С. *eki* «два», *ekew* «двое»; А, 1. *ekinşi* «второй»; А, 2. *ekiser* «по два»); 5) местоимения (С. *men* «я»; *öz* «сам»; *kim* «кто»; А, 1. *meniñ* «мой»; *bu* «этот»; *myndañ* «такой»; А, 2. *meniñşe* «по-моему»; *bylañ* «этак»; *myñşa* «столько»);

II. Глаголы: 6) глагольные функциональные формы (С. *alıw*, *alys* «взя-

тие»; А, 1. *alʷan* «взявший»; *alar, alʷaj* «долженствующий взять»; А, 2. *alʷp* «взяв»; *ala* «беря»);

III. Междометия и подражательные слова: 7) междометия и мимемы (С. *axlaw* «ахание»; *laŋlaŋlaw* «мигание»; А, 1. *axlaʷan* «ахавший»; *laŋlaŋlaʷan* «мигавший»; А, 2. *axlap* «ахав»; *laŋlaŋlaj* «мигая»);

IV. Служебные слова: 8) частицы: *-šy/-ši* «же»; *al-šy* «возьми же»; *my/mi* «ли»; *sen mi?* «ты ли?»; 9) послелогии: *ušyn* «для», *dejin* «до»; 10) союзы: *žana* «и»; *biraj* «но».

Как видно из схемы, особое положение в частях речи занимают междометия и образоподражательные слова — мимемы, которые в функциональном плане реализуются либо в качестве особого типа высказывания, либо подвергаются своеобразной трансформации и из сферы непосредственного выражения эмоций или выражения звуко- или образоподражания переходят в сферу грамматических понятий, в этом случае реализуясь в соответствующие функциональные формы, главным образом, глагольного словообразования.

Что же касается служебных слов, т. е. частей речи: частиц, послелогов и союзов, то они, как правило, не имеют своих функциональных форм, хотя в отдельных случаях, окказионально, могут субстантивироваться, например: *seniŋ hām ... hāmīŋni qoj!* «оставь свои и....и....!».

Итак, в классификации частей речи мы должны учитывать сущность самого слова как единства выражения в нем, с одной стороны, его лексико-семантических категорий, т. е. его реального значения предмета, качества, количества, действия, состояния, а с другой — его функциональных категорий, т. е. его роли в составе предложения и словосочетания. Те и другие категории выражены также двумя различного типа системами словообразования и общей для всех, независимо от характера знаменательных частей речи и их функциональных субстантивных и атрибутивно-определятельных функциональных форм, — общей системой словоизменения.

Таким образом, при учете в классификации частей речи двух координат их рассмотрения — семантики и функции образуется как бы перекрещивающаяся классификация всего словарного состава и его словообразовательных моделей, с одной стороны, на десять, двенадцать, в зависимости от конкретного языка, семантических классов — частей речи, а с другой стороны, на три типа функциональных форм, общих по своему функциональному значению для всех знаменательных частей речи.

Вместе с тем как части речи, так и их функциональные формы находятся в каждом языке в процессе постоянного развития. Так, если предметно-качественные имена в современных тюркских языках из своих функциональных форм субстантивов, атрибутов субстантивов и атрибутов признаков образовали три самостоятельные части речи: существительное, прилагательное и наречие со своими вторичными функциональными формами, то глагол в современных тюркских языках имеет ту же тенденцию образовывать три самостоятельные части речи: масдары, причастия и деепричастия, также со своими вторичными функциональными формами для субстантивных и атрибутивно-определятельных форм.

Следовательно, состав частей речи и их функциональных форм, находящихся в постоянном процессе развития и совершенствования, не является постоянным, единым и общим для всех языков, но определяется для каждого периода развития структуры и типологии каждого конкретного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1757.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1868.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. Харьков, 1888; Т. III. Харьков, 1899; Т. IV. М.—Л., 1941.
4. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции. М., 1897—1898.
5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.—Л., 1941.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
7. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. — Русская речь, 1928, № 2.
8. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

9. *Hjelmslev L.* Principes de grammaire générale. Copenhague, 1928.
10. Русская грамматика. Т. I—II. М., 1980.
11. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1954.
12. *Казембек А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839; 2-е изд. Казань, 1846.
13. *Bohtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg, 1851.
14. *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 2-te Folge. St. Petersburg, 1899.
15. *Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 1. Фонетика и этимология. СПб., 1894; Ч. 2. Синтаксис. СПб., 1897.
16. *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türkssprachen. Berlin, 1911.
17. *Deny J.* Grammaire de la langue turque. Paris, 1920.
18. *Grønbech K.* Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936.
19. *Németh J.* Türkische Grammatik. Berlin, 1917.
20. *Гордлевский В. А.* Грамматика турецкого языка. М., 1928.
21. *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М., 1948.
22. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
23. *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
24. *Боровков А. К.* О частях речи в тюркских языках.— Революция и письменность, 1936, № 2.
25. *Батманов И. А.* О частях речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936.